

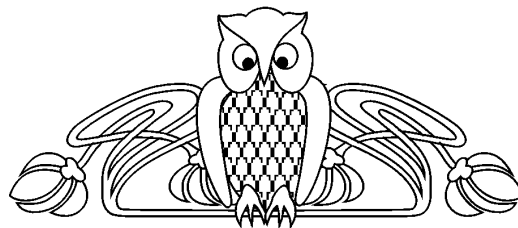

Научная статья

УДК 327.2

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

Пространство и граница России в ценностном измерении

В. К. Белозёров

¹Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, строение 1

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

Белозёров Василий Клавдиевич, ¹доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии; ²ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов»; член научного совета при Совете Безопасности РФ, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Аннотация. В статье раскрывается понимание пространства и государственной границы как национальной ценности России. В результате исторического развития, в связи с наличием постоянной угрозы стране и мобилизацией ресурсов для ее защиты, у граждан России сформировалось устойчивое оборонное сознание и понимание границы как сакральной ценности. Ставится вопрос о дальнейшем осмыслении проблемы.

Ключевые слова: Россия, пространство, родная земля, граница, оборона страны, защита границ, ценности

Для цитирования: Белозёров В. К. Пространство и граница России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 190–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

Russia's space and border in the value dimension

V. K. Belozerov

Moscow State Linguistic University, 38, build.1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Vasily K. Belozerov, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Abstract. The article reveals the understanding of space and the state border as a national value of Russia. As a result of historical development, due to the presence of a constant threat to the country and the resource mobilization for its protection, the citizens of Russia have formed a sustainable defense consciousness and understanding of the border as a sacred value. The article raises the question of further understanding of the problem.

Keywords: Russia, space, native land, border, national defense, border security, values

For citation: Belozerov V. K. Russia's space and border in the value dimension. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 190–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Политические события и процессы последних лет обусловили возникновение ряда теоретических вопросов, связанных с диагностикой происходящего и его прогнозированием. Так, возникла необходимость политологического осмысления пространства и ренессанса государственных границ в современном мире, которые в эпоху глобализации, как многие полагали, должны были исчезнуть или размыться. Вместе с тем еще до наступления пандемии, борьба с распространением которой сразу же заставила вспомнить о традиционных функциях границ, между

странами стали возводиться барьеры в виде экономических и политических санкций против отдельных персон, групп и целых государств, начали ограничиваться контакты между странами и международными организациями.

В России осмысление пространства и государственной границы имеет свои отличия. Их понимание представляется весьма полезным как для российского, так и для зарубежного научного и экспертного сообщества, лиц и институтов, готовящих и принимающих решения. В этой связи целесообразно осветить

некоторые сюжеты, связанные с пониманием в российском общественно-политическом и научном дискурсе занимаемого страной пространства и его границ.

Политическая аксиология Русской земли

О географических характеристиках России хорошо известно. В ходе исторического развития сложилось так, что ее пространственные (т. е. фактически утилитарные) показатели, географическое расположение стали чрезвычайно весомыми константными факторами, определившими развитие политического сознания, содержание внутренней и внешней политики государства и организацию обороны страны. Причем восприятие просторов страны, пространства в контексте понимания их защиты или же использования для защиты характеризуется существенной амбивалентностью. Так, при оценке «оборонительных» качеств российских пространств периодически возникало и его восприятие, расхолаживающее общественность и представителей руководства страны. Даже в 20-е гг. XX в. среди части политической и военной элиты Советской России имело место распространение мнения о том, что огромные размеры территории уже сами по себе обеспечивают защиту страны, т. е. позволяют ограничивать выделяемые для этого усилия и ресурсы. Известный отечественный военный теоретик А. А. Свечин вполне обоснованно характеризовал подобные оценки как «опасные иллюзии» и считал неуместными и вредными для безопасности страны какие-либо «упования на географию», отмечая при этом, что «наши пространства заставляют нас разбрасывать нашу энергию и способность к организации, затрудняют сбор сил для отпора»¹.

Для установления оценки места в политической жизни и массовом сознании России родной земли (казалось бы, утилитарного образования) представляется целесообразным представить ретроспективный – пусть и дискретный – обзор исторического развития страны с учетом изменения ее пространственных показателей и с учетом опыта ее обороны.

В этой связи заслуживает особого внимания то обстоятельство, что содержательно в понятие Родины, Отечества в нашей стране испокон веков входили семья, войско, государство, материальные и нематериальные феномены, образовавшие в своей совокупности органичные и взаимодополняющие компоненты единого целого. Именно такая традиция понимания Родины идет в нашей стране из глубины веков. Как установил в ходе проведенных исследований академик Д. С. Лихачев, издревле под Русской землей принято было понимать не только Русскую страну, но и русский народ и русское войско².

Кроме того, с начала зарождения русской государственности даже в условиях острых со-

циальных противоречий и феодальной раздробленности в обществе была сильна идея защиты родной земли и сохранения ее единства. Так, автор древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве», воспринимая Русь как целостное и единое образование и с болью переживая междуусобицы, прямо указывает на опасные последствия для страны распрей среди князей: «Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: “Это мое, и то мое же”. ... А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую». В условиях же постоянной угрозы нашествий извне население Руси ожидало от руководителей создания условий для безопасной и благополучной жизни. В древнерусском произведении содержится прямой упрек князьям, указание на их ответственность и на разрушительные последствия раздоров: «Вы же своими распрями побуждали поганых нападать на землю Русскую...».

Даже ознакомительное изучение отечественной истории показывает, что иноземные нашествия грозили не просто завоеванием, утратой независимости, людскими и материальными потерями, но нередко ставили под вопрос само существование страны. Интересы недопущения и отпора агрессии требовали консолидации народа и имеющихся ресурсов, что понимали и простые люди. Здесь характерно то, что в условиях постоянной угрозы нападения извне в России понятие «свобода» приобрело иное содержательное наполнение, нежели на Западе. Свобода по своему смыслу стала означать для русского человека не отсутствие деспотизма власти по отношению к отдельной личности, а отсутствие в стране иностранных завоевателей. Такой результат был достигнут и в итоге целенаправленных усилий государства, церкви, общественных институтов. Массовое сознание в России стало ориентироваться на сильную государственную власть, в обществе сформировались и закрепились патерналистские установки. Обеспечение безопасности, защиту от военных и иных угроз население связывало прежде всего с государством. Характерно, что отечественный историк Н. И. Костомаров в качестве главной черты русской души выделял ее стремление «к воплощению государственного тела»³. Поведенческие установки населения, связанные с ориентацией на сильную центральную власть, закреплённые в исторической памяти народа и воспроизводящиеся в массовом сознании, при всей амбивалентности этих установок не раз оказывались востребованными, обеспечивая единство страны.

В итоге одним из высших смыслов российской ментальности стала ответственность за обладание огромным пространством, за его обустройство, сохранение единства и стабильности, обеспечение безопасности. Следует при этом отметить, что способностью создавать в трудный для Родины час по инициативе самих граждан, без указки сверху, ополчения и парти-

занские формирования, как показывает история, обладают далеко не все народы.

Характерно также, что российским народом именно Запад традиционно воспринимался как источник враждебности и постоянной опасности, откуда приходили завоеватели и разрушительные войны. Нашествия влекли за собой не просто смену правителей, а угрожали существованию страны как таковому. Причем в сознании народа и элиты отложилось то, что направленные против России действия исходили не со стороны отдельной конкретной страны, а со стороны коллективного, объединенного Запада. Примечательно в этой связи, что в романе-эпопее «Война и мир» Л. Н. Толстой представляет и подготовку нашего нашествия («усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы»), и само вторжение 1812 г. не как агрессию со стороны исключительно Франции, а именно как действия совокупной военной силы европейских стран: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России...»⁴. Названными обстоятельствами можно объяснить и то, что войны, которые вела Россия за свое выживание в 1812 г. и в 1941–1945 гг., стали называться отечественными. Причем массовое сознание воспринимает в указанном качестве не все войны, которые вела Россия, а только названные.

Изложенные обстоятельства обуславливают необходимость оценки с определенной точки зрения роли института государства в России. Как известно, если на Западе в условиях социально-политического кризиса происходило обрушение правительственных структур, то государственность восстанавливалась и сохранялась благодаря институтам гражданского общества. В России такие условия в ходе ее развития не сложились. Поэтому если в нашей стране происходило свержение центральной власти, то наступали хаос, лилась кровь, возникала угроза самому существованию нации, страна оказывалась в состоянии национальной катастрофы. Смута на рубеже XVI–XVII вв., эпоха революций и Гражданской войны в начале XX в., распад Советского Союза – впечатляющее и наглядное тому подтверждение. Один из практических выводов, которые можно сделать из осмысления названных событий, состоит в том, что для захвата власти в России и установления контроля над ней достаточным оказывалось свержение центрального правительства.

Названное обстоятельство в достаточной мере осознано и противниками нашей страны. Даже самый поверхностный обзор позволяет уяснить, что приоритетным объектом деструктивного воздействия на Россию извне часто выступает ее государственное устройство, конкретные политические институты. Как показывает многовековой опыт развития страны, угроза ее существованию в качестве целостного, централизованного и самостоятельного государственного образования имела место практически на

протяжении всей ее истории. По заключению российского философа А. С. Панарина, «опыт всех смутных эпох в России доказал, с какой готовностью извечные ее оппоненты пользуются ослаблением Российского государства и питающей его духовной традиции»⁵. Подтверждением вероятности ослабить или разложить российскую государственность изнутри может служить и вывод прусского философа войны Карла фон Клаузевица, который после участия в Отечественной войне 1812 г. пришел к убеждению в том, что «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров»⁶. Ставку на раскол народа нашей страны, как известно, делал Гитлер, принимая решение о нападении на Советский Союз. Как Наполеон, так и Гитлер в пропагандистских целях и для введения противника в заблуждение прикрывали свои завоевательные замыслы заявлениями о намерении освободить Россию от царизма, крепостного права, большевизма и т. д. Технология разлагающего воздействия на Россию в настоящее время принципиально не изменилась: основная ставка по-прежнему делается на разложение духовных основ нации, дискредитацию и делегитимацию государственных институтов.

Причем обострение геополитической борьбы в тот или иной исторический период, равно как и в настоящее время, сопровождается обвинениями России в агрессивности, в имперских амбициях, провокационном поведении по отношению к своим соседям и т. д.⁷. Вместе с тем для многих представителей зарубежного научного сообщества, политической и военной элиты осталось практически незамеченным изменение восприятия Россией происходящих в мире процессов, изменение ее политики в сфере обороны и безопасности. Лишь немногие за рубежом сумели осознать то, что наша страна никогда более не допустит войны на своей территории⁸. Происшедшие в государственной политике изменения соотносятся с исторической памятью россиян, в структуре которой сформировались стереотипы, характеризующиеся настороженным отношением к Западу и к его военно-силовой политике. Соответствующие установки содержатся и в официальных документах нашей страны. Так, в Военной доктрине Российской Федерации в качестве внешней опасности определено «наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока»⁹. Отсюда вполне объяснимо и то, что, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, оборона страны поставлена на

первое место в перечне стратегических национальных приоритетов.

Ценностные смыслы государственной границы России

С учетом восприятия занимаемого пространства и окружающих территорий, сложившейся картины мира, многовекового опыта защиты страны и применения военной силы для противостояния недругам государственная граница в отечественной традиции стала восприниматься не просто как линия на местности, отделяющая территорию России от других стран, а фактически как оборонительный и неприкосновенный рубеж, проходящий по разделу «свой – чужой» и отделяющий добро и зло. Есть основания утверждать, что государственная граница России выступает практически как цивилизационный феномен.

Охрана и защита границы со временем приобрели в народном сознании чувственное и символическое звучание, стали одним из популярных сюжетов для национального искусства. Усилия по защите границы воспеваются в древнерусских литературных памятниках, повестях, былинах и летописях. На знаменитой не только в России, но и далеко за ее пределами картине В. М. Васнецова «Богатыри», написанной в 1898 г., достоверно передана тревожная напряженность богатырской заставы, бдительно охраняющей родные рубежи и ожидающей нападения.

Сами протяженные границы Московского царства, Российской империи формировались, получали начертание с учетом и по результатам многовекового опыта отражения агрессора и необходимости ликвидации источника опасности. В том числе и поэтому длительное время страна расширялась на Восток, пока не достигла Тихого океана. Выражение же «естественная граница» применительно к России означает не только природно-географическое пространство, окаймленное непреодолимыми для внешнего противника препятствиями, но и указание на то, что занимаемая территория ей принадлежит по праву, поскольку защита и освоение этой территории в течение длительного времени стоили огромных народных усилий и жертв, материальных и иных ресурсов.

Исторически же сложилось так, что значительных усилий требовали обустройство и защита именно западных рубежей страны. Весьма точно охарактеризовал эту специфику отечественный военный мыслитель А. Е. Снезарев: «Длинная граница – это просторные ворота для энергичного и смелого народа, но сложный и нервный лабиринт для малодушного и обороняющегося. Наша западная граница представляет для нас исключительный оперативный простор, допускает большой размах

для инициативы и действий, но их же она дает и врагу, сверх того, она дорога, сложна и требует исключительных организационных работ и больших издержек»¹⁰.

Трепетное отношение к государственной границе, болезненное и нервное восприятие обществом и властью посягательств на нее, перспективы обострения обстановки близ нее нашли свое отражение не только в массовом сознании страны, но и в официальном дискурсе. Весьма примечательно и даже, пожалуй, удивительно то, что ценность границы в советский – официально атеистический – период стала характеризоваться посредством использования понятий фактически религиозной и сакральной коннотации, примененных для обозначения непримиримого политического разделения социализма и капитализма. В годы существования Советского Союза в стране зародилась и получила повсеместное признание максима «Государственная граница – священна и неприкосновенна»¹¹, активно используемая и поныне в повседневном российском лексиконе и отраженная в произведениях искусства.

Фактически те же смыслы о значимости охраны границы для безопасности страны сохранились и в государственных и партийных документах. Так, в приветствии Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР советским пограничникам 27 мая 1978 г. было констатировано: «...пограничные войска надежно охраняют и защищают священные рубежи Союза ССР, обеспечивают их неприкосновенность и нерушимость»¹². В результате защита границы в нашей стране в известном смысле стала восприниматься как дело всего народа. Как образно выразился уже в постсоветское время бывший директор Федеральной пограничной службы России генерал А. И. Николаев в отношении своих сограждан, «все мы пограничники»¹³.

Практика показывает, что отношение к защите занимаемого пространства и к обеспечению неприкосновенности границ, характеризующееся личной ответственностью и причастностью граждан, только усиливается в России в результате поступающих к ней от других стран предложений, инициатив, выдвигаемых требований открыть доступ к ее природным богатствам, к запасам пресной воды, предоставить свободный проход по Северному морскому пути и т. д. Подобные намерения и замыслы воспринимаются в российском обществе как посягательство на национальный суверенитет. Реагирование государственных институтов на такие посягательства извне встречает поддержку граждан и выступает как дополнительный фактор легитимности власти.

Важным свидетельством того, что в нашей стране функциональность государственной границы является объектом пристального внимания со стороны не только общественности и по-

литической элиты, но и научного сообщества, следует считать и активизацию в последние годы профильных исследований, в том числе комплексного, междисциплинарного характера¹⁴. Весьма примечательно в этой связи то, что в рамках концептуализации пограничной деятельности подготовлен и издан ряд трудов, в которых обосновывается правомерность, необходимость и возможность создания интегральной науки погранологии¹⁵. Указанное понятие для обозначения определенной системы знаний было введено в научный оборот практически сразу же после распада Советского Союза, в 1993 г. Инициаторы разработки и сторонники этой научной дисциплины заявляют о создании научной школы и полагают, что в сферу ее компетенции входит изучение характера, законов и закономерностей пограничной деятельности в собственном и в широком смысле, совокупности действий, взаимодействий и отношений по обеспечению и защите интересов личности, общества и государства в пограничных пространствах государств¹⁶. Относительно недавно в России появились и исследования по погранометрике. Новая научная дисциплина, как полагают ее разработчики, призвана изучать процессы обеспечения пограничной безопасности государств посредством использования математических методов и моделей¹⁷.

Признавая факт активизации проведения в нашей стране исследований, направленных на концептуализацию пограничной деятельности, и одновременно воздерживаясь от развернутых оценок относительно целесообразности дальнейшей институционализации указанной сферы научного знания, следует вместе с тем констатировать, что аксиологии российской границы, ее духовно-ценностным смыслом в именуемых работах уделяется все еще недостаточно внимания. Между тем, как обоснованно отмечал А. Е. Снесарев, «анализ границы в научном отношении должен поднести читателю полную и исчерпывающую, притом глубоко современную картину смысла и значения рассмотренной границы»¹⁸. По прошествии практически века можно констатировать, что такой анализ в полном и завершенном виде в настоящее время все еще не представлен.

В морфологии же границ можно выделить природно-ландшафтные, культурные, экономические, политические и иные детерминанты и компоненты. В России понятие «политические границы» ввел, по всей видимости, известный военный теоретик первой половины XIX в. П. А. Языков, связывая их рассмотрение с военно-стратегическими соображениями¹⁹. Сочетание и соотношение с учетом их веса и значимости каждого из указанных выше компонентов морфологии границы у конкретного государства отличается. К тому же каждое государство в понимании и определении своих границ на том или ином этапе своей истории встает перед выбором

предпочтений или же оказывается в ситуации поиска компромисса. Объясняя особенности понимания границ в различных странах и размышляя об «идее границы», «идеологии границы», «инстинкте границы», «научно обоснованном чувстве ответственности за границу», известный немецкий геополитик Отто Мауль почти сто лет назад отмечал: «Насколько государственная идея находится в обоюдной зависимости от ее политической жизненной формы, настолько идея границы должна быть подчинена требованиям и витальному натиску всего политического организма. Вот почему идея границы разнится от государства к государству»²⁰. В любом случае ясно, что политические и духовные смыслы государственной границы России нуждаются в дальнейшем научном осмыслении.

В завершение изложенного необходимо отметить следующее.

Восприятие нациями своих пространств и границ складывается по-разному. Такое восприятие находится в прямой взаимосвязи с идентичностью нации, со сложившейся у нее картиной мира, с ее стратегической культурой. Отношение же россиян к занимаемому их страной пространству, его обережению и его границам имеет длительный генезис и является весьма специфичным. Названное обстоятельство подвергается постоянному теоретическому осмыслению, в рамках которого появляются новые приоритеты.

Немаловажно и то, что понимание специфики восприятия разными нациями пространств и границ способствует налаживанию коммуникации между ними, снижению конфликтности в международных отношениях. Такое взаимопонимание весьма важно в условиях, когда в мире вновь предпринимаются попытки возведения новых барьеров и разделительных линий, демонизации политических оппонентов и создания образа врага.

Примечания

- ¹ Свечин А. А. Опасные иллюзии // Постигание военного искусства : Идейное наследие А. Свечина / сост. А. Е. Савинкин, А. Г. Кавтарадзе, Ю. Т. Белов, Н. В. Домнин. М. : Военный университет, Русский путь, 1999. С. 274. (Русский военный сборник. Вып. 15).
- ² См.: Лихачев Д. С. Золотое слово русской литературы // Слово о полку Игореве / вступ. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева. М. : Художественная литература, 1987. С. 3.
- ³ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Мысль, 1993. С. 273.
- ⁴ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, 4 / примеч. Л. Д. Опульской. М. : Художественная литература, 1983. С. 7.
- ⁵ Панарин А. С. Завещание трагического романтика // Москва. 2001. № 7. С. 27.
- ⁶ Клаузевиц К. О войне. М. : Госвоениздат, 1936. С. 414. Следует при этом отметить, что в оригинальной цитате

- речь идет не просто о России, а именно о ее государственном устройстве, о Российской империи: „Das russische Reich ist kein Land...“ (Clausewitz C. von. Vom Kriege. Achtzehnte Auflage. Bonn : Ferd. Dümmlers Verlag, 1973. S. 1024).
- ⁷ См., например: *Krone-Schmalz G.* Eiszeit. Wie Russland dämonisiert wird und warum das so gefährlich ist. München : Verlag C. H. Beck, 2017.
- ⁸ К такому заключению пришел, например, немецкий исследователь Зигфрид Лауч. См.: *Lautsch, S.* Die Sicherheitspolitik der Russischen Föderation und die Neuorientierung ihrer Streitkräfte // *Österreichische militärische Zeitschrift*. 2018. № 1. S. 42.
- ⁹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // *Российская газета*. 2014. 30 дек.
- ¹⁰ *Снесарев А. Е.* Введение в военную географию. Письма из Индии и Средней Азии. М. : Центриздат, 2006. С. 391.
- ¹¹ См., например: *Иванов В. С.* Граница Родины. М. : Педагогика, 1987. С. 4.
- ¹² Правда. 1978. 27 мая.
- ¹³ См.: *Николаев А. И.* Оборона России. М. : Гралия, 2003. С. 303–312.
- ¹⁴ См., например: Введение в исследования границ / под ред. С. В. Севастьянова, Ю. Лайне, А. А. Киреева. Владивосток : Дальнаука, 2016.
- ¹⁵ См. Погранология : методология и методика научных исследований / Анцупов А. Я. [и др.] ; Международная Акад. Информатизации, Отд-ние погранологии, Пограничная акад. ФСБ России. М. : Отд-ние погранологии МАИ : Пограничная акад. ФСБ России, 2006.
- ¹⁶ См.: *Дмитриев В. А., Тынянова О. Н.* О концептуализации пограничной деятельности и научной школе погранологии // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2013. Т. 3, вып. 1. Спец. вып. «Пространство и время границ». URL: <http://www.j-spracetime.com/actual%20content/t3v1/3101.php> (дата обращения: 01.02.2021).
- ¹⁷ См.: *Шумов В. В.* Введение в общую погранометрику. М. : URSS, 2016.
- ¹⁸ *Снесарев А. Е.* Указ. соч. С. 394.
- ¹⁹ См.: *Языков П. А.* Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначаемых. Санкт-Петербург : Тип. А. Воейкова и К°, 1838. С. 67–72.
- ²⁰ *Mauß O.* Politische Grenzen. Berlin : Zentralverlag GMBH, 1928. S. 103.

Поступила в редакцию 05.02.2021, после рецензирования 15.02.2021, принята к публикации 20.02.2021
Received 05.02.2021, revised 15.02.2021, accepted 20.02.2021